

В былые времена друзья ради мелкой выгоды готовы были растоптать друг друга; красавицы, ещё минуту назад называвшие себя сёстрами, завидев Сяо Лана, оборачивались спиной и не признавали знакомства. Мать считала это неизбежным путём взросления женщины, и сама я, к стыду своему, ничего не замечала, зря кичась перед сестрой своей проницательностью. Вспоминая теперь, какой подавленной возвращалась Ацзя с банкетов, я тогда думала: просто она натурой кротка и добра, не любит шумной погони за славой. Но сейчас, оглядываясь назад, не знаю, не плакала ли она по ночам в одиночестве?

— Ацзя... Тебе пришлось несладко.

Шэнь Юньхуа рассмеялась, и сердце её наполнилось теплом.

— Родившись в чиновничьей семье, не зная нужды, любимица отца с матерью, да ещё и заботливая младшая сестрёнка рядом, — при чём тут страдания? Давай-ка лучше откуси пирожного, скоро ворота усадьбы.

Они сошли с кареты, попрощались и направились каждый в свои покои. Женщинам династии Даюэ полагалось учиться не меньше мужчин, так что после занятий учитель задавал домашние задания и им.

Шэнь Юньшу час изучала книги по го, но подумала, что одно лишь чтение — это теория, и решив, что лучше практикой, взяла лоточек с пирожными и направилась во Двор Ичжу.

После доклада слуга Шэнь Юньи поспешил проводить её внутрь.

— Брат, как твоё здоровье в последнее время?

— Вторая госпожа, не волнуйтесь, — поспешил ответить доверенный слуга. — Хотя наш господин и усерден в учёбе, каждое утро он отрабатывает комплекс боевых упражнений, а целебные отвары, что присылают госпожа и старшая госпожа, выпивает всё до последней капли. Здоровье у него крепкое.

— Это хорошо.

Брат дал своим четырём слугам очень изящные имена: Шимо, Шисюань, Сунхэ и Боянь. Все они умели вести себя в обществе, и по их поведению можно было судить о характере и нраве хозяина.

Шэнь Юньи стоял у двери кабинета, ожидая её.

— Вторая сестра, заходи.

— Младшая сестра осмелилась потревожить, брат не в обиде?

— Как же. — Шэнь Юньи мягко улыбнулся. — Я обычно занят учёбой, так что благодарю тебя за то, что ты составила компанию Хуа.

— Что ты, брат. — Шэнь Юньшу укоризненно покачала головой. — Это Ацзя заботится обо мне.

Шэнь Юньи на мгновение замер.

— Вторая сестра права.

— Я принесла брату пирог «Чжуаньюань», чтобы пожелать тебе высокой награды на

экзаменах.

— Благодарю тебя, вторая сестра. — Шэнь Юньи на мгновение замолчал. — Не нужно называть меня так официально. Зови меня, как Хуа, — старшим братом.

— Старший брат. — Шэнь Юньшу улыбнулась, щурясь. — Я сегодня пришла с просьбой.

— Говори, вторая сестра. Если в моих силах — сделаю всё возможное.

— Старший брат говорит так, будто я прошу тебя пойти убить кого-то или поджечь дом. Просто я прочла несколько новых книг по го и кое-чего не поняла, хотела попросить старшего брата сыграть со мной пару партий.

Шэнь Юньи, услышав это, внутренне усмехнулся своей подозрительности и охотно согласился. Сначала Шэнь Юньшу, конечно, была разбита наголову, но после трёх партий смогла продержаться время, пока сгорает одна палочка благовоний.

— У младшей сестры есть талант к игре в го.

Шэнь Юньшу очнулась, невольно взглянув на небо.

— Оказывается, уже так поздно. Я больше не буду беспокоить старшего брата.

Шэнь Юньи кивнул с улыбкой:

— Если в будущем младшей сестре захочется сыграть, я всегда к твоим услугам.

Вернувшись в свои покои, она ещё час занималась каллиграфией, затем умылась и легла спать.

На следующее утро, почему-то на сердце поселилось нехорошее предчувствие.

— Дочь пришла поприветствовать мать.

Ответ последовал не сразу, сверху раздался холодный голос:

— Встань.

Госпожа Чэн вертела в руке нефритовый браслет цвета голубиной крови и как бы невзначай спросила:

— Вторая, я слышала, ты дружишь с княжной Цило?

Лицо Шэнь Юньхуа тут же выразило беспокойство, заставив госпожу Чэн вздохнуть в душе.

— Не смею так говорить, нам просто дважды посчастливилось встретиться.

Сказав это, Шэнь Юньшу пересказала о случайных встречах в Павильоне Первых Чернил и в беседке, опустив лишь свои дерзкие слова. Мать была образцовой хозяйкой дома, степенной и соблюдавшей правила. Услышь она те слова, непременно прониклась бы ко мне отвращением.

— Всего две случайные встречи, почему же княжна так выделила тебя? — Госпожа Чэн специально подчеркнула слово «случайно», и Шэнь Юньшу почувствовала, как нехорошо шевельнулось внутри. Мать, вероятно, подозревает, что я намеренно ищу благосклонности Юйци — дочь наложницы, пытающаяся угодить знатной особе, в глазах окружающих выглядит

не просто самонадеянной, но и неблагодарной.

— Дочь не знает.

Она понимала, что эти слова лишь сильнее разозлят мать, но молчать было ещё хуже и нарушало этикет...

Молчание длилось всего мгновение, но показалось невыносимым. Атмосфера была гнетущей, воздух словно застыл. Когда Шэнь Юньхуа уже не выдержала и собралась заговорить, госпожа Чэн, к её удивлению, не вспыхнула, а спокойно продолжила:

— Говорят, ты написала стих в академии и сильно прославилась?

— Это... это дочь была неосторожна. — Шэнь Юньшу опустилась на колени. — Прошу мать наказать меня.

Говорить больше было нечего. Никто не был неправ, просто взгляды на жизнь были разными. Нет смысла ненавидеть... Десять с лишним лет родительской заботы не так-то просто стереть из памяти. К тому же, она родила на свет лучшую дочь в мире.

— И сама знаешь. — В голосе госпожи Чэн звучало равнодушие. — Как женщина семьи Шэнь, ты должна быть сдержанной и скромной. Я смотрела на тебя и думала: «Какая спокойная», а оказалось, всё это было напускным. Стоило попасть в академию, как ты сразу потеряла голову... Да как тебе не стыдно! Твой отец всегда был человеком либеральных взглядов, и я не придерживаюсь принципа «у женщины не должно быть талантов», но ты совсем забыла о приличиях и правилах!

— Матушка... — Шэнь Юньхуа тоже бухнулась на колени перед госпожой Чэн.

Прежде чем она успела открыть рот, госпожа Чэн сверкнула на неё глазами.

— И ты не проси за неё. В прошлый раз я послушалась тебя и разрешила ей учиться, а теперь посмотри! Если запретить ей продолжать, люди скажут, что я притесняю дочь наложницы.

Шэнь Юньшу сжала зубы. Только сейчас она начала улавливать намёки: мать, похоже, хотела, чтобы она сама предложила покинуть Академию Дунлин и продолжить обучение этикету дома. Но как можно так легко отказаться от доставшейся возможности? Если она сейчас уступит, то, возможно, больше никогда не сможет переступить порог академии.

— Кроме того, разве ты не знаешь, что брат готовится к экзаменам? Я думала, что ты разумная девочка, а оказалось, я ошиблась насчёт тебя. Даже твоя старшая сестра только приносит ему бульоны и редко беспокоит, а ты под предлогом игры в го побежала во Двор Ичжу...

— Матушка! — Шэнь Юньхуа с трудом сдерживала гнев. — Если мы не отправимся сейчас, мы опоздаем!

— Шэнь Юньхуа! Для тебя важнее я, твоя мать, или твоя сестра?

Шэнь Юньхуа ничего не ответила, резко встала и потянула Шэнь Юньшу за рукав.

— Сестрёнка... Пойдём.

Шэнь Юньшу с сомнением посмотрела в сторону госпожи Чэн, но увидела лишь холодную усмешку в уголке её рта.

— Сестра... Иди ты. Я подожду здесь, пока мать успокоится.

— Ладно, ступайте обе. — Госпожа Чэн махнула рукой. — А то потом твой отец скажет, что я бесчинствую.

— Ажуй, скажи, для Хуа я действительно важнее всего на свете? — Смотрела, как дочь уходит, не оборачиваясь. Госпожа Чэн отпустила слуг, оставив в комнате только выросшую вместе с ней служанку. Она откинулась на мягкие подушки, но в глазах читалось замешательство.

Чжун Жуй с грустной улыбкой покачала головой. Госпожа опять втягивается в свои мысли, но это лишь означало, что всё остальное для неё не важно; только Хуа и И, которых она вырастила с такой любовью, были теми двумя людьми, которых она действительно ценила.

— Госпожа, старшая госпожа — это ваша родная дочь, которую вы выносили и родили. Подумайте, хоть она и ценит родственные связи, разве не всё лучшее она сначала приносит во Двор Гибискуса? Просто вы благословенны и здоровы, а вторая госпожа с малых лет осталась без материнской заботы, сердце Хуа доброе, вот она и жалеет её немного больше.

Госпожа Чэн недовольно нахмурилась.

— Наложница Юэ рано умерла, но разве я хоть раз обделила Шу? Ежемесячное содержание выплачивалось сполна, учителя нанимали лишь самых способных. Посмотри, как она встаёт горой за Шу, словно я собираюсь её съесть?

— Госпожа, — Чжун Жуй сдержала улыбку, — старшая госпожа ещё не прошла церемонию шпильки, естественно, она не так предусмотрительна, как вы.

Автор имеет сказать:

«Деревья сбросили листву, вода обмелела, тысячи скал стоят голые.

Ясно вижу свой истинный облик.

Сижу перед свитком, свет от лампы колышется на стене,

В полночь пою громко, снег давит на хижину.

В очаге разожжён живой огонь в чайнике,

Чистота — вот что достойно называть учёбой.

Где искать радость чтения?

Несколько цветков слив — сердце неба и земли».

— Вэн Сэнь, «Радость чтения в четыре времени года. Зима».

Есть два варианта стихотворения, которое процитировала Ацзя: «Нарисовать дракона, нарисовать тигра — трудно нарисовать кости» и «Нарисовать тигра, нарисовать шкуру — трудно нарисовать кости». Говорят, оба варианта верны, я просто выбрала тот, который нравится. Если мои маленькие ангелы знают, какой правильный, прошу указать.

Говорят, если показать милость, комментарии будут.

«Зубы белы, как семена тыквы, брови — как зелёные ивы.

Лицо алее распустившегося лотоса, кожа бела и гладка, как застывший жир».

— У Пинъи, «Разные песни. Слуга с незавидной судьбой».

<http://bllate.org/book/16779/1542689>